

Услышав легкую дрожь в голосе Бай Сюя, Шан Цюэянь невольно повернул голову. Увидев это несчастное, полное обиды лицо, он на миг опешил.

Серьезно?

Куда делся тот хладнокровный и язвительный тип, что вчера отчитывал его у озера и только что троллил Шан Сунмина у фонтана? Откуда взялся этот образ беззащитной овечки?

Не успел он прийти в себя, как Фан Юйхуа пошла в атаку:

— Бай Сюй, что ты хочешь этим сказать? На видео всё четко видно, разве это подделка?

— Раз уж дело сделано, нужно думать, как его уладить. А врать и отпираться — плохая стратегия.

Она выразительно посмотрела на старого господина:

— Папа, разве не так?

Старик Шан промолчал. Он лишь взял ложку и медленно помешивал суп из трепанга, его лицо оставалось непроницаемым.

Шан Цюэянь, видя явную травлю со стороны Фан Юйхуа, решил не сдерживаться и пожаловался напрямую:

— Бабушка, почему вторая тетя так откровенно играет против своих?

Фан Юйхуа поперхнулась.

Шан Цюэянь сверлил её взглядом:

— Разве Бай Сюй не сказал? Те люди первые начали проявлять неуважение. И вообще, сколько длится это видео? Оно вырвано из контекста. С чего Вы взяли, тетя, что именно Бай Сюй виноват перед семьей Чэнь?

— Это не я взяла! — начала оправдываться Фан Юйхуа. — Это говорят все, и в наших кругах, и за их пределами! Мол, Бай Сюй и ваша третья семья...

Взгляд Шан Цюэяня ожесточился, он резко перебил её:

— Чуть собачья! С каких это пор третью семью волнует твяканье посторонних и грязная клевета?

— Не думайте, что я не понимаю, к чему Вы клоните!

Раздуть скандал вокруг Бай Сюя, чтобы принизить третью семью перед дедом и обществом — вот её цель!

— ...

Впервые получив такой жесткий отпор от младшего, Фан Юйхуа покраснела.

Шан Сунмин, до этого наслаждавшийся спектаклем, вскипел:

— Шан Цюэянь, следи за языком! Как ты разговариваешь с моей матерью?

Дзынь!

Старик Шан молча бросил ложку в тарелку. Резкий звон фарфора мгновенно оборвал перепалку.

Шан Сунмин, только что распушивший хвост, тут же втянул голову в плечи и замолк.

Госпожа Шан переводила взгляд с одного внука на другого и мягко попыталась сгладить углы:

— Хватит. Вы же братья, говорите друг с другом нормально.

Шан Юнь поспешил поддержать мирную ноту:

— Да, давайте жить дружно, не расстраивайте дедушку с бабушкой.

При этом он дернул жену за рукав, взглядом приказывая ей прекратить провокации.

— ...

Старик Шан принял влажное полотенце у дворецкого, неторопливо вытер руки и произнес:

— Бай Сюй?

— Мм?

Бай Сюй отозвался, всё еще удерживая на лице баланс между обидой и упрямством.

— Раз всё началось с тебя, — весомо сказал старик, — ты и объясни суть дела.

Его голос звучал спокойно, как у человека, выдавшего виды, но в нем сквозила стальная властность.

— И ты, и все остальные за этим столом — ни слова лжи, ни слова преувеличения!

— ...

Сердце Фан Юйхуа екнуло, она виновато опустила глаза.

Бай Сюй с самого начала добивался именно вмешательства патриарха. Услышав приказ, он тут же продолжил свою игру:

— Да, на видео действительно я и Чэнь Юйфэй.

Взгляд его был испуганным, но голос звучал искренне.

— И те, кого побили, — это действительно наследник «Золотой Сотни» Чэнь Шаосюань и двое его друзей.

Это общеизвестные факты, отрицать их бессмысленно.

Двумя фразами он приковал к себе внимание всех присутствующих.

Бай Сюй изобразил, что ему неловко под таким пристальным вниманием. Он крепко сжал

обеими руками нетронутый стакан с водой:

— Мы с Чэнь Шаосюанем учились в одной старшей школе. Все три года он вместе с другими травил меня.

— Я... я очень его боюсь.

Говоря это, он нервно потер пальцы друг о друга, словно пытаюсь стереть болезненные воспоминания.

Госпожа Шан нахмурилась:

— Семья Бай знала об этом?

— Знала, но им было всё равно.

Бай Сюй покачал головой, и его вид стал еще более жалким.

— Я ушел из дома Бай в спешке, без вещей. В тот день решил зайти в «Золотую Сотню», чтобы купить пару рубашек. Менеджер не предупредил, что магазин закрыт на спецобслуживание. Но Чэнь Шаосюань, как только вошел, сразу узнал меня и... и снова начал говорить гадости.

— Что он сказал? — спросил Шан Цюэянь.

Бай Сюй глубоко вздохнул, словно решаясь на что-то важное, и посмотрел прямо в глаза старику Шану:

— Он сказал: «Какие только кошки, собаки и крестьянские отродья сюда не заходят».

Услышав эти эпитеты, старик Шан едва заметно сузил глаза.

Бай Сюй выложил всё, что произошло в магазине:

— Я... я просто не выдержал и набрался смелости ответить ему. Это его взбесило, и он полез драться.

— Чэнь Юйфэй, как телохранитель третьего господина, просто защитил меня. Но... мне кое-что кажется странным...

— Станным? — переспросил старик.

Бай Сюй поджал губы и перевел стрелки на Фан Юйхуа:

— Вторая госпожа только что сказала, что все узнали телохранителя третьего господина. И сказала, что я только вошел в семью, а уже поссорил третью ветвь с семьей Чэнь.

— Если слухи разлетаются так быстро, неужели никому не кажется это неправильным?

В самом деле?

Неужели семья Шан должна бояться семьи Чэнь и ходить перед ними на цыпочках?

— ...

Шан Цюэянь среагировал мгновенно. Его врожденная гордость разыграла:

— Откуда у «Золотой Сотни» и семьи Чэнь столько гонора?

Семья Шан должна унижаться ради сотрудничества? Третья ветвь должна извиняться?

Всё сводится к тому, что они считают третью ветвь ослабленной и беспомощной, и через это прощупывают позицию старика Шана.

Чем больше Шан Цюэянь думал об этом, тем сильнее закипал. В порыве гнева он резко откинул плед с колен, обнажая свое увечье перед всеми.

Лицо старика Шана дрогнуло.

Госпожа Шан ахнула:

— Сяо Янь, что ты делаешь?

Шан Цюэянь не был дураком. Он ухватился за этот шанс мертвой хваткой.

Окинув гневным взглядом вторую семью, он обратился к деду:

— Дедушка, мой брат лежит в коме. Я стал таким. Мало того, что снаружи о нас болтают всякое, так даже дома на нас смотрят косо.

— Сегодня я хочу спросить прямо...

— Вы, дедушка, всё еще считаете нас, третью ветвь, своей семьей? Считаете нас с братом своими внуками? Те люди презирали не Бай Сюя!

Они презирали их, братьев Шан!

В глазах Бай Сюя мелькнуло одобрение. Он вовремя подлил масла в огонь:

— Простите... Это не должно касаться третьего господина. Если нужны извинения, я пойду и извинюсь лично, от своего имени.

Госпожа Шан, сердце которой разрывалось от жалости к осиротевшим внукам, тихо позвала:

— Старик...

Старик Шан помолчал немного, а затем произнес твердым, не терпящим возражений голосом:

— Вы были и остаетесь внуками Шан Хуна! Что бы ни говорили посторонние, этот факт неизменен.

Смысл был ясен: даже если третья ветвь пострадала, за ней стоит клан Шан и лично патриарх.

— Я, старик, еще не ослеп и не выжил из ума...

Старик Шан перевел взгляд на вторую семью и остановил его на Шан Сунмине:

— Передайте всем: если я еще раз услышу, что кто-то в этом доме распускает сплетни или тычет пальцем в чужие раны — вышвырну вон!

— ...

Шан Сунмин вздрогнул:

— Д-дедушка, почему Вы смотрите на меня?

Старик проигнорировал его и обрушился на Шан Юня:

— Следи за своей женой и сыном. Еще раз устроят смуту — спрошу с тебя!

Шан Юнь вскочил и закланялся:

— Папа, не сердись. Мы вовсе не это имели в виду... это всё недоразумение.

— Недоразумение или нет — каждый знает сам про себя!

Старик бросил полотенце на стол и кивнул управляющему Чжэну:

— Сегодня же всё выясни. Если слова Бай Сюя подтвердятся — немедленно прекратить любое сотрудничество с «Золотой Сотни».

— Будет исполнено, — поклонился управляющий.

Старик махнул рукой:

— Все свободны.

И вышел из столовой первым.

Бай Сюй медленно разжал пальцы, поднял стакан и сделал глоток. В отражении воды в его глазах плясали искорки чистого торжества.

Читая книгу, он знал, что семья Шан планировала совместный девелоперский проект с «Золотой Сотни».

Этот проект не только должен был обогатить вторую семью, но и позволил бы угасающей империи «Золотая Сотня» продержаться на плаву еще какое-то время.

Лишь позже, когда братья Шан взяли власть в свои руки, они разорвали этот контракт, что и привело к краху и поглощению «Золотую Сотню».

Бай Сюй прекрасно понимал: Чэнь Шаосюань борзееет только из-за денег семьи. «Золотая Сотня», как любой крупный бизнес, гонится за прибылью, и репутационные потери для них — временная неприятность.

Чтобы они почувствовали настоящую боль и раскаяние, нужно бить по кошельку. Нужно лишить их фундамента.

А человек, способный нанести этот удар одним росчерком пера, — старик Шан.

Поэтому, узнав о семейном ужине, Бай Сюй решил вытащить эту историю на свет. Убить чужим ножом иногда эффективнее, чем своим.

Хотя начало вечера пошло не по сценарию, финал оказался именно таким, как он планировал.

...

Бах!

Дверь виллы второй семьи захлопнулась.

Шан Юнь мгновенно сбросил маску благодушия и швырнул пиджак под ноги жене:

— Фан Юйхуа, посмотри, что ты натворила!

— Ай!

Фан Юйхуа схватилась за сердце от испуга.

Слуги, переглянувшись, тихо подобрали пиджак и исчезли, чтобы не попасть под горячую руку.

Шан Сунмин, привыкший к двуличию отца, не испугался. Сунув руки в карманы, он протянул:

— Пап, чего ты злишься? Как по мне...

— Заткнись, щенок! И ты тоже!

— ...

— Шан Юнь, что ж ты такой смелый перед дедом не был? — огрызнулась Фан Юйхуа. Ей было обидно, что свекр отчитал её при слугах, а теперь еще и муж орет. — Дома на жену и сына орать ты мастер! Где твоя хваленая сила? Тебе полтинник, а ты всё еще перед папочкой на задних лапках ходишь!

Грудь Шан Юня тяжело вздымалась.

— Я тебя спрашиваю: почему ты мне не сказала про Бай Сюя и семью Чэнь заранее? Зачем полезла с этим к старику?

— Вы с сыном устроили цирк за столом, пытаетесь черное сделать белым. Но старик не дурак, он всё видит! В итоге он нас же и отчитал. Ну и чего ты добилась? Какая выгода?

Глупость и жадность! Сами себе яму вырыли!

Фан Юйхуа знала, что виновата:

— Я просто хотела использовать этот случай, чтобы придавить третью семью и прощупать настроение старика.

— Я тебе для чего? Я глава семьи или кто? Ты, курица безмозглая, только дала этому щенку Шан Цюэяню повод разжалобить деда!

Он специально устроил этот брак с нищим и бесполезным Бай Сюем, чтобы унижить Шан Яньсяо и показать всему Дицзину: старик махнул рукой на внука-овоща.

К тому же семья Бай сейчас в упадке, такой союз только вызывает насмешки.

— Бай Сюй поссорился с «Золотой Сотней», а старик взял и разорвал контракт ради него! Если об этом узнают, все решат, что дед их крышует. Кто теперь посмеет косо посмотреть на третью семью?

— ...

Под градом упреков Фан Юйхуа покраснела и замолчала, ища поддержки у сына.

Шан Сунмин потер нос:

— Пап, остынь. Мы же выяснили главное.

— Шан Яньсяо — овощ, лекарства лишь продлевают агонию. Шан Цюэянь ничего не смыслит в бизнесе, он бесполезен.

— Дед не вечен. Чем беспокоиться о третьей семье, лучше присмотреться к первой. Если начнется грызня, реальная угроза — это они.

Шан Юнь, вспомнив о старшей сестре и её семье, холодно прищурился:

— Моя сестрица, зятек и их сынок... Хм. Змеиное гнездо.

Тем временем Шаттл остановился у виллы третьей семьи. Се Ци и дядюшка Линь помогли спустить коляску Шан Цюэяня.

Войдя в дом, Линь выдохнул:

— Четвертый господин, Вы сегодня были слишком импульсивны.

Они с Се Ци слышали всё из соседней комнаты и сильно перенервничали.

Характер у старика Шана тяжелый. Шан Цюэянь, обнаживший рану и почти потребовавший ответа, рисковал нарваться на гнев, который обрушился бы на всю третью ветвь.

Бай Сюй возразил:

— Но ставка сыграла. Пострадала вторая семья.

Шан Цюэянь поднял голову и посмотрел на невозмутимого Бай Сюя:

— Так ты притворялся за столом? Строил из себя невинную овечку? Не боялся, что дед тебя раскусит?

Бай Сюй не стал отрицать.

Он привык к интригам делового мира. Маскировка, притворная слабость, актерская игра — всё это инструменты для достижения победы.

Конечно, когда у него на руках все козыри, он предпочитает бить врага фактами в лоб.

Се Ци вмешался:

— Я поднимусь проведу третьего господина.

Бай Сюй промолчал, провожая взглядом спешащего наверх ассистента. В голове мелькнул вопрос:

«Даже для личного помощника... не слишком ли часто он бегаёт к Шан Яньсяо? Тот ведь в коме. Зачем его постоянно караулить?»

Шан Цюэянь заметил его задумчивость:

— Бай Сюй, о чем думаешь?

— Ни о чем.

Бай Сюй налил себе воды и небрежно бросил:

— Ты сегодня быстро среагировал. Момент выбрал идеально.

Пара фраз в нужную точку, грамотное давление на жалость — и вот уже сам патриарх выступает твоим щитом. Не зря он главный герой романа.

Шан Цюэянь понял его превратно:

— Не обольщайся. Я не тебя защищал. Просто ненавижу, когда кто-то презирает моего брата.

Бай Сюй сначала опешил, а потом рассмеялся:

— Ццц, не будь буквой. Какая разница? Мы с твоим братом в браке. В глазах других я часть вашей семьи. Кого ни защищай — результат один.

— И кстати, я сегодня тебя тоже выручил. Где мое «спасибо»?

— ...

Шан Цюэянь помолчал, потом буркнул неохотно:

— С-спасибо.

Бай Сюй расплылся в улыбке:

— Не за что, деверь.

Шан Цюэянь закатил глаза:

— У вас с братом еще не те отношения.

Бай Сюй с серьезным видом вспомнил божественное лицо Шан Яньсяо:

— Я бы с радостью, но он пока в отключке, не факт, что среагирует. Может, сегодня ночью попробовать?

Шан Цюэянь, до которого дошел смысл шутки, вспыхнул как маков цвет:

— Бай... Бай Сюй! Только посмей!

— А чего бояться? Пойду, поднимусь.

Видя, как этот братолюб задыхается от возмущения, Бай Сюй расхохотался еще громче.

Он пошел к лестнице, бросив через плечо последнюю, полную ехидства шутку:

— Не лезь в наши с мужем дела~

<http://bllate.org/book/13769/1215275>